

Михайличенко Д.Ю. Травнева військово-політична криза в УСРР, 1919 р. // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. № 556. - Сер. Історія України. Вип. 5. - Х., 2002. - С. 130 - 138.

русский перевод

МАЙСКИЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В УССР, 1919 г.

Начиная с принципиальных решений VIII съезда РКП(б) об отношении к так называемому среднему крестьянству, причину собственных поражений, или успехов своих политических оппонентов, советская историография склонна была связывать с расстановкой классовых сил на селе, в частности, с позицией численно доминирующей прослойки среднего крестьянства.

Научная ценность этого признания, однако, нивелировалась рассмотрением крестьянского повстанческого движения сквозь идеологическую призму “антисоветского кулацкого бандитизма” и определения политической роли кулацеской прослойки, которая де руководила неосознающей свои классовые интересы “крестьянской мелкобуржуазной стихией”: “Из-за того, что село не было дифференцировано, не сознавало свои классовые внутри-крестьянские интересы, оно послушно шло за кулаками, офицерством и интеллигенцией из кулачества” [1, С. 12].

К антисоветскому кулацескому мятежу сводилась и оценка так называемой “григорьевщины”. Между тем, майские события 1919 г. является свидетельством как реального военно-политического веса крестьянского повстанчества, так и глубины социальных и идеологических процессов в украинском селе, его порождавших. Научное исследование причин и характера массового крестьянского движения имеет большое значение для объективного освещения хода всей гражданской войны в Украине, определения расстановки социально-политических сил в украинском обществе, идеологических и морально-психологических аспектов его развития.

Повстанческое движение в Украине нарастало постепенно. Еще до недавнего времени про-большевистские, политические настроения села на протяжении первых весенних месяцев быстро изменялись. В марте - апреле 1919 г. отдельные стихийные выступления протеста и политические акции в советах переросли в мощное вооруженное движение сопротивления, включавшее десятки крупных и сотни и тысячи мелких возглавляемых атаманами повстанческих групп. Отмечается распространения среди крестьянства антиправительственных и радикально оппозиционных настроений, актов гражданского неповиновения и прочих выступлений [2, С. 187-188]. Крестьянское движение не ограничивалось вооруженным повстанчеством, оно характеризовалось широкой социальной базой и единством разных – политических, экономических и вооруженных – форм протеста [3, С.184- 191]. {130}

Сообщения и аналитические доклады, содержащиеся в Бюллетенях НКВД УССР, с присущей риторикой указывают на остроту ситуации на селе: “Поступающие сведения с мест рисуют сложную картину. По всей (Киевский) губернии развит бандитизм и крестьянское повстанчество. Крестьяне собираются бандами и терроризируют население. Банды хорошо вооружены винтовками, пулеметами и даже орудиями”; “Полтавская губерния является центральным местом базирования контрреволюционной, погромной, бандитской агитации. Здесь труднее, чем где-либо ещё прививать идею коммунизма и принципы советской власти” [4, ф. 2, оп. 1, д. 252, л. 17, 20]. В апреле, НКВД зафиксировал 93 выступления (в том числе в Киевской губернии 38), за 1- 15 мая – еще 28 [5, С. 4].

“Теперь нам сообщают о новых подвигах кулаков, которые проявляются так: кулаки агити-

руют против постановлений, принятых на всероссийских крестьянских съездах волисполкомов. В результате волостные и крестьянские исполкомы должны были сложить с себя обязанности и власть перешла в руки этих негодяев”, сообщила газета “Одесский коммунист” в мае 1919 г. [6, С.122].

Свидетельством роста политического веса повстанчества было возрастающее внимание, которое ему уделяло правительство Мартоса. Оно, по предоставленной ОГПУ СССР ретроспективной оценкой, “старается подстасовать к языку и стилю, к психологии повстанческого бандитизма и довольно уверенно на него опирается” [7, С.27]. В мае были проведены консультации между ведущими левыми партиями Украины. По их итогам УПСР, украинские социал-демократы и “незалежники” подписали соглашение, которое предусматривало объединение усилий в деле организации повстанческого движения на Приднепровье.

Существовала тенденция непосредственного влияния морально-психологической ситуации в селе на настроения в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), основную силу которой в Украине составляли “партизанские” соединения. Сформированные из крестьян-добровольцев, они возникли во время борьбы с Гетманщиной и Директорией, часто организовывались не большевиками, и переходили на сторону Временного рабоче-крестьянского правительства в ходе занятия территории Украины советскими войсками. “Партизанских отрядов было много и значительная часть из них со временем превратились в полки, бригады и даже дивизии” [6, С. 119]. В полном составе, даже на началах определенной автономии во внутреннем устройстве, были введены в состав РККА соединения повстанцев под командованием Н. Махно и части армии УНР, которые подчинялись атаману Г. Григорьеву. К тому же, после восстановления советской власти, формирования воинских частей осуществлялось по территориальному принципу, а мобилизация в ряды РККА пользовалась популярностью среди крестьянства. Что объяснялось не в последнюю очередь желанием крестьян служить вместе с земляками, получить оружие и “казенное” обеспечение.

Соединения РККА в Украине, итак, были аналогичны по природе крестьянскому повстанчеству и непосредственно связаны с селом общностью интересов и настроений.

В апреле – мае 1919 г. сводки НКВД УССР фиксируют многочисленные волнения в армии. Неоднократно упоминаются произвольные реквизиции, “бесчинства”, мародерство, а также и открыто антиправительственные выступления [8, ф. 1, оп. 20, ч. 1, д. 56, л. 17]. 5 советский полк разгромил ЧК, осуществлял “насилия над властью” в Фастове; 8 мая было сообщено о восстании при участии 4 Нежинского полка и броненосца в Казатине под лозунгом “Бей жидов, спасай Россию! Долой коммунистов и комиссаров!” [4, ф. 2, оп. 1, д. 252, л. 16, 17, 24 - 25]. {131}

5 мая К.Ф. Зинченко, комиссар 2-й батареи 2-й бригады группы войск Харьковского направления докладывал: “Товарищи красноармейцы были настроены против коммуны и коммунистов, комиссаров и чрезвычайек, антисемитизмом были все пропитаны и против коммунистических ячеек”; особенно сильные антикоммунистические настроения провоцировали коммуны. Беспокойство комиссара вызывала и организация снабжения армии, распространение так называемых “самозаготовок” [9, ф. ФП-1, оп. 1, д. 1, л. 64]. Состояние материального обеспечения красноармейцев было чрезвычайно тяжёлым, что прослеживается уже с февраля 1919 г.: “по докладу врача в частях гарнизона благодаря недоеданию развивается тиф... Агитационная работа налажена быть не может, беседа начинается и заканчивается одними словами: “А когда же нас уже накормят”” - докладывали в СНК из Харьковского губвоенкомата [4, ф. 2, оп. 1, д. 217, л. 18]. В некоторых частях в мае – июне до 40% личного состава были больны цингой [10, С.145].

На протяжении апреля – в начале мая все чаще привлекаются к карательным операциям против повстанцев так называемые “интернациональные”, сформированные из иностранных граждан,

части РККА, рассматривавшиеся как наиболее надежная вооружённая сила. В Украине решение о формировании интернациональных частей РККА было принято Временным рабоче-крестьянским правительством 30 января 1919 г. [11, С. 87]. На протяжении весны – лета 1919 г. численность “интернационалистов” в рядах Красной армии в Украине достигла 10 тыс. бойцов. Существовали и многочисленные более мелкие отряды из латышей, китайцев, немцев. Кроме “интернационалистов”, состав РККА в Украине был насыщен представителями неместного населения, в частности, в Украине была задействована 3-я стрелковая дивизия, сформированная в Московском военном округе [12, С.226].

Уже со времени своего создания в апреле 1919 г., румынско-венгерские части, сведенные в Полтавский румынско-венгерский полк, активно использовались для подавления выступлений в районе Вознесенска и Черкасс, на Полтавщине, и в подавлении выступления Миргородского гарнизона [13, С.174]. 13-и пограничный полк, китайский и латышский отряды сыграли решающую роль в подавлении Куреневского выступления 10 апреля 1919 г. в Киеве. В Николаеве советская власть опиралась главным образом на немецкую спартаковскую группу. Глава Николаевского исполкома П. Соколов характеризовал “интернационалистов-спартаковцев” как “наиболее надёжную, сознательную, дисциплинированную военную часть, на которую может опираться советская власть” [11, С.91]. Ряд интернациональных подразделений, которые насчитывали около 2800 человек, были сведены в Интернациональную бригаду и посланы для борьбы с повстанцами в районе Черкасс [14, С.275]. В первой половине мая “в боях с контрреволюцией” было задействованы части создаваемого в Одессе Интернационального полка особого назначения [15, С.56]. В апреле 1919 г. наряду с формированием “интернациональных” частей всё возрастающее внимание отводилось и вопросам переформирования регулярных частей, выдвигается лозунг борьбы с “партизанщиной”. В начале мая была подготовлена операция по смещению командования 6-й советской дивизии во главе с М. Григорьевым [16, С.28 - 30]. {132}

Внутренняя “автономность” партизанских соединений обуславливала распространение антикоммунистических настроений и на их командный состав. Тем более, что в частях сохранялись условия для более или менее свободной деятельности оппозиционных КП(б)У левых партий. В частности, ощутимым было влияние анархистов в 3-й бригаде 1-й Заднепровской стрелковой дивизии (позднее 7-й Украинской советской дивизии) Н. Махно, левых социалистов-революционеров в 6-й стрелковой дивизии 3-й Украинской советской армии М.Григорьева. В штабе последнего присутствовали руководящие деятели этой партии Кириченко, Яшкин и др., а должность начальника штаба занимал бывший генерал-хорунжий войск УНР Ю. Тютюнник. По сообщению В. Антонова- Овсиенко, на Николаевском съезде УПЛСР даже была принята резолюция “сделать григорьевский отряд центром вооружённых сил под флагом партии и призвать всех членов партии записываться в григорьевские отряды ” [2, С.86, 93]. Оба атамана, Махно и Григорьев, занимали активную политическую позицию, проводя её в районах дислокации своих частей. Так, представители махновских частей принимали участие в съездах советов на юге Украины. Съездов, принявших резолюции, отрицательно оценивавшие деятельность коммунистического правительства. Изменений испытывала позиция Г. Григорьева, который пользовался огромной популярностью среди местного населения, крестьянства, которое и комплектовало на добровольных началах подчиненные ему соединения.

В апреле, в докладе командующему Украинским фронтом В. Антонову-Овсиенко, атаман обращал внимание на смену настроений в войске, которое происходило под влиянием советской политики на селе. “Жалуются и обосновываются рапортами своих командиров, утверждённых часто комиссарами, на злоупотребления органов ЧК, продармейцев и т.п. Что особенно раздражает население,

отметил он, так это злоупотребления приезжих, “кацапов” и “жидов”. Советской власти на местах нет. Исполком, который избрал уездный съезд Херсонщины, на самом деле был заменен приезжими из центра. Вместо агитации в поддержку голодного Севера, продармейцы стараются отобрать хлеб, но получают отпор от десятикратного большего количества крестьян. Зато представители земельных органов ведут беспомощную агитацию за непонятную коммуну” [2, С.99].

Убедился в справедливости докладов Г. Григорьева В. Антонов-Овсиенко А. Шумский смогли в конце марта при посещении находившихся под командованием атамана частей. На смотре Верблюжского полка 24 марта Шумский, произнося перед солдатами речь, “говорил на украинском языке и сперва имел бесспорный успех. Дальше начал говорить о земельной политике советской власти. И лишь только произнес слово “коммуна”, как послышался шум из задних рядов, охвативший толпу и превратившийся в рёв. Злые лица, поднятые кулаки тянулись к оратору...” По результатам поездки В. Антонов-Овсиенко и

А. Шумский отправили телеграмму Председателю СНК Х. Раковскому где указывали: “...Население провоцировано действиями продотрядов. Надо отозвать московские продотряды... Категорически заявляю вам как главе правительства: политика, которую проводят на местах, обижает, подстрекает против центральной власти совсем не только собственно кулачество, а все слои населения” [2, С.104].

Приписывается атаману и возмущённая телеграмма следующего содержания, адресованная Х. Раковскому и наркомвоену Н. Подвойскому: “Когда по моим следам будет вырастать такая паршивая власть, которую я видел до этого времени, я, атаман Григорьев, отказываюсь воевать. Заберите мальчиков, пошлите их в школу, дайте народу власть серьёзную, которую он бы уважал” [1, С. 15]. {133} Отобразив общую тенденцию потери большевиками доверия крестьянства и массового переизбрания коммунистических советов, М. Григорьев содействовал проведению предвыборной кампании и реализации результатов народного волеизъявления. Во время выборов на уездный съезд советов Херсона, Григорьев условием признания Александрийского ревкома выдвинул требование введения в его состав 3-х представителей левых эсеров. В Антоновым-Овсиенко приводится и “григорьевский” документ следующего содержания: “Командир по особым поручениям просит от лица красногвардейцев, всех граждан г. Котелки явиться 9 апреля в 11 часов на общий митинг на Ярмарочной площади для выяснения существующего положения, о нашей насильнической коммуне и в дальнейшем употреблении мероприятий по борьбе с ней. Командир по особым поручениям Г. Шпак” [2, С.94 - 100].

В конце апреля – в начале мая, когда части, находившиеся под командованием М. Григорьева были отведены для переформирования в родные для них места, там фиксируются многочисленные случаи волнений при участии военносулаживших-григорьевцев. “ В Херсонском уезде отряды атамана Григорьева осуществляют грабежи, убийства продовольственных работников. Работа по заготовке хлеба сильно тормозится. Агенты отказываются ехать на места. Положение крайне серьёзное”, сообщали в Наркомпрод из Херсонского губпродкома [17, С.191]. “С того времени, как атаман Григорьев распустил свои войска на отдых, в Херсонской губернии начались грабежи и убийства, насилие над пассажирами и коммунистами... (Войска) открыто с командным составом во главе, разгоняют вооруженной силой все сельские, уездные, городские исполкомы, парткомы, арестовывают их и расстреливают... Это длится на протяжении трёх недель. ...Елизаветградский исполком, партком разогнаны, расстреляны коммунисты... Николаеву угрожает судьба Елизаветграда... прошу немедленно принять меры. Военкомом и мной (меры) приняты – в городе объявлено осадное положение”, телеграмма такого содержания была направлена главой Николаевской ЧК накануне григорьевского выступления

[18, С.76]. Бойцами Верблюжского полка во второй декаде апрель была разогнана Александрийская ЧК, осуществлена попытка найти и арестовать “активных работников местного исполкома” [19, С.597]. “ В Криворожском уезде полно григорьевских отрядов... перебиты целые волостные исполкомы, в Шестерные убиты 27 коммунистов, в Казанце - 22 коммуниста... нужна немедленно помощь интернационального батальона латышей, китайцев” - указывалось в телеграмме Криворожскому военному от 24 апреля [2, С.109].

Глубина причин, вызвавших начавшееся 9 мая восстание григорьевцев, находит отображение как в массовости и размахе восстания, так и в содержании главного программного документа повстанцев – “Универсала к украинскому народу”, подписанного “атаманом-партизаном Херсонщины и Таврии” М.А.Григорьевым.

Опора на настроения и требования крестьянства, резкая критика навязанной Украине политики “военного коммунизма” служит его основой: “политические спекулянты обманули тебя... вместо земли и воли тебе насильно навязывают коммуну, чрезвычайку и комиссаров из московской обжорки и той земли, где распяли Христа. {134} Ты работаешь день и ночь, ты светишь каганцом, ты ходишь в лаптях, в штанах из мешковины, вместо чая пьешь горячую воду без сахара; а те, кто обещают тебе светлое будущее, эксплуатируют тебя, тобой воюют, с оружием в руках забирают твой хлеб, реквизируют твой скот и нагло уверяют тебя, что делают все это для блага народа... Неправда, вранье и неправда”.

Универсал призывает к немедленному осуществлению изменений, которые должны были бы оздоровить политическую ситуацию в Украине и служить гарантией недопущения антинародной диктатуры. “Пусть не будет диктатуры ни лица, ни партии... Долой политических спекулянтов! Долой насилие с правой стороны! Долой насилие с левой стороны!.. Правительство авантюриста Раковского и от него поставленных просим уйти от нас и не насиловать народной воли. Всеукраинский съезд даст нам правительство, которому мы будем повиноваться, и набожно выполним его волю”. Предлагалось немедленно избирать сельские, волостные, уездные и губернские советы при свободном участии представителей всех партий, “стоящих на советской платформе” и беспартийных. На выборах должна была быть задействована система квот для национального представительства, отвечавшая национальному составу населения Украины. “При таком распределении не будет насилия ни партии, ни нации. Глубоко убежден, что это будет истинная народная власть” – отмечалось в “Универсале” – “Да здравствует свобода слова, печати, совести, собраний, союзов, забастовок, труда и профессий, неприкосновенность личности, мысли, жилища, убеждений и веры!”. Организацию народной власти предлагалось начать немедленно. “Универсал” призвал к общенародной войне против диктатуры. “Боритесь – поборете!.. Поддержите нас и тем спасите свое право... Только с вашей помощью обретём право народа” [1, С.22 - 23],

Не смотря на то, что до конца мая советскому командованию удалось подавить сопротивление основных вооружённых сил повстанцев-григорьевцев, общие результаты выступления были для советского правительства неутешительными. Высказанное Х. Раковским желание “по горячим следам уничтожить на селе власть кулаков” [20, № 44, 5 июня 1919 г.], то есть продолжить жёсткий курс на силовое решение крестьянского вопроса, имело все меньше оснований быть реализованным.

Ненадежность советских частей и распространённость антикоммунистических настроений в войсках явно проявилась в ходе восстания. Свидетельством чему являлись многочисленные факты, зафиксированные в докладах с мест и информационных сводках НКВД. 13 мая бронепоезд “Черноморец №1” перешел на сторону крестьян, поднявших восстание в с. Христиновце под лозунгом “Долой жидов и кацапов, да здравствует самостийная Украина!”, командиру поезда Горуленко “понра-

вилась программа” повстанцев [4, ф. 2, оп. 1, д. 241, л. 53]. “8-й советский полк задержал 15 мая отряд из трёх человек, откомандированных в Винницу за техническими средствами, и хотел их расстрелять, из-за того, что они жида-коммунисты” [4, ф. 2, оп. 1, д. 252, л. 39]. 16-17 мая разразилось восстание в Уманском гарнизоне [4, ф. 2, оп. 1, д. 252, л. 24, 25]. “Солдаты Богунского полка измождены физически и разложены морально. Красноармейцы срывают кокарды, говоря, что это “жидовская звезда” – докладывали 17 мая из Коростеня; “Богунская бригада, хотя и бьётся против григорьевцев, в свою очередь расстреливает коммунистов”, сообщал секретарь ЧК г. Пешаное Вишневский [4, ф. 2579, оп. 1, д. 39, л. 11]. В Золотоноше Богунский полк устроил 23 мая погром, поставив местный ревком “из своих” [4, ф. 2579, оп. 1, д. 39, л. 18]. {135} “Красноармейцы конной роты настроены антисоветски и погромно” (Обухов); “9-й полк настроен контрреволюционно и антисемитски”. С лозунгами “долой коммуну и бей жидов” солдаты в поездах задерживают евреев и коммунистов, расстреливая их” (Ст. Тетерев); “Арест сотрудников ЧК, другие разбежались. В городских частях антикоммунистические настроения” (Белая Церковь). 20 мая 1-й красный полк “бесчинствовал” на линии Киев-Переяслав-Гребенка, под лозунгом “долой ЧК-коммунистов и бей жидов”, были избиты сотрудники ЧК – евреи” [4, ф. 2, оп. 1, д. 252, л. 33, 35]. “Ни один эшелон не проходит спокойно. Ищут “жидов из ЧК и коммунистов” (Казатин). “Присланные из центра части, – сообщали из Радомышля, – как, например, 22-й и 151-й советские полки... вместо ликвидации восстания занялись грабежами, душили партийную работу, били... коммунистов” [8, ф. 1, оп. 20, ч. 1, д. 44, л. 24].

Многочисленными были и случаи перехода частей на сторону Григорьева. Так, в Черкассах к нему присоединился местный гарнизон, в Помошной – полк Попова. 25 мая на Чернобыльщине перешёл к атаману Струку Советский полк численностью 1000 человек, “комполка объявил себя противником коммуну и жидов”. В Новгород-Северский уезд “прибыли с фронта без документов вооруженные красноармейцы 3-го советского полка 1-й дивизии с желанием расстрелять коммунистов и евреев. Учитывая популярность красноармейских предводителей, местными силами справиться невозможно”. Из Охтырского уезда сообщали о дезертирстве, которое достигло 30%. 24 мая сообщалось о конфликте 1-й бригады 7-й украинской советской стрелковой дивизии с Новомосковским ЧК; в Радомышле “ЧК не работает из-за 151-го полка настроенного против коммунистов, ЧК и евреев”. Как ненадежные были охарактеризованы 9-й, 21-й, 22-й полки [4, ф. 2, оп. 1, д. 252, л. 36 - 46]. Направленный на подкрепление в Лубны Червоный полк “устроил погром, ограбил казначейство и разгромил ЧК. В этих действиях принимал участие комсостав” [8, ф. 1, оп. 20, ч. 1, д. 16, л. 40].

“Среди красноармейцев ходят упорные слухи, что инициатором выступления является не Григорьев, а сами крестьянские массы, недовольные чрезвычайными комиссиями и комиссарами-“жидами” – констатировалось в одном из многочисленных сообщений в Совнарком о настроениях на местах [4, ф. 2, оп. 1, д. 241, л. 36]. “Иногда не совсем было понятно, почему та или другая часть борется на нашей стороне, а не против” – вспоминал впоследствии В. Затонский [21, С.10]. По ретроспективной оценке Х. Раковского, фактором, который предотвратил окончательный развал армии УССР, была взаимная “конкуренция” между командирами – лидерами больших полупартизанских соединений РККА [5, С.7, 46 - 48].

Не образовам обстояли дела и на других участках “внутреннего фронта”. В мае был сдан отрядам атамана Волынца г. Гайсин, “в критический момент солдатам выдали спирт, комиссар Кондратюк пьяный валялся в заражном бараке” [4, ф. 2, оп. 1, д. 252, л. 38]. Полковник Волынец, воспользовавшись большевистским декретом о мобилизации, сам мобилизовал крестьян 5 сроков и осуществил это успешное наступление [8, ф. 1, оп. 20, ч.1, д. 20, л. 20]. В середине мая во время григорьевского восстания кроме Гайсина, атаманскими формированиями занимались уездные центры Умань

(Щигриним, Клименко), Липовец (Магометом), Брацлавль (Волынцом), Тульчин и Литин. Зелёновцами - Германовка и Обухов [8, ф. 57, оп. 2, д. 283, л. 3; ф. 1, оп. 20, ч. 1, д. 56, л. 41]. Были блокированы Тараша, Фастов, Бердичев. В Балтском, Ольгопольском, Ямпольском уездах разразились большие восстания [5, С. 14]. {136} В Бердичеве, по сообщению от 11 мая, происходили волнения с лозунгом “бей жидов, громи чрезвычайку”; “каждую минуту могут быть арестованы все советские учреждения”; в городе были раскрыты записи в гетманскую армию. Подытоживая доклад СНК о текущей ситуации, уездный исполком констатировал: “если не будет туземцев или китайцев, любая работа здесь невысказима. Вокруг продают и выдают ответственных работников” [4, ф. 2, оп. 1, д. 241, л. 55].

“Население города настроено панически. Коммунисты вынуждены работать едва ли не в подполье. Солдаты бьют лишь за принадлежности к партии. Уманский коммунистический отряд вынужден был спрятать оружие и выехать в Киев. Группа местных работников, членов исполкома, евреев, также как и сотрудников ЧК эвакуировались. Единственным средством, способным улучшить положение, была бы, по моему мнению, переброска великорусских частей... в наш район. Остаётся добавить, что, разумеется, никакая работа на селе у нас сейчас не возможна, потому как никакой работник не рискнёт выехать на село, после того, как повстанцами расстреливались товарищи украинцы и русские как “жидовские наймиты””, – докладывал в ЦК КП(б)У коммунист Кулик из Умани [8, ф. 1, оп. 20, ч. 1, д. 20, л. 25].

Таким образом, григорьевское восстание не было отдельным, тем более изолированным, вооруженным выступлением-мятежом. Его можно определить как этап в развитии крестьянского движения сопротивления, который был обусловлен обострением социально-политического напряжения на селе вследствие осуществления политики “военного коммунизма”. Будучи по характеру общенародным восстанием против большевиков, руководящей силой которого выступило крестьянство, оно имело переломное значение для развития крестьянского повстанческого движения в 1919 г. и привело к тяжёлому кризису и изменению военно-политической ситуации в целом.

К разрыву с большевиками пришла партия незалежников. По требованию ЦК РКП(б) в состав СНК УССР были введены представители боротьбистов. Перед ЦК КП(б)У объективно встал вопрос о невозможности продолжать осуществление политики “военного коммунизма” в Украине. Наряду с успехами Добровольческой армии, майские события изменяли морально-психологическую ситуацию в украинском селе, оказывали деморализующее воздействие на активистов КП(б)У и советских функционеров. Создание комитетов бедности, ячеек КП(б)У на селе, поддержание дееспособности уже существующих учреждений после григорьевского восстания оказалось проблематичным. На что, в частности, указывалось на общем собрании бюро Харьковского губкома КП(б)У в начале июля 1919 г. [9, ф. ФП-1, оп. И, д. 1, л. 4]. Большевицское правительство было лишено возможности вести активные наступательные действия на внешних, и “внутреннем”, направленном на вооруженное подавление сопротивления политике “военного коммунизма”, фронтах. {137}

Литература

1. Козельский Б. Шлях зрадництва і авантюри: (Петлюрівське повстанство). - Х., 1927.
2. Антонов-Овсієнко В. О. В боротьбі за Радянську Україну // Літопис революції. - 1931.- №3 (48).
3. Михайличенко Д. Ю. Селянський рух опору політиці "военного комунізму" в Україні, сі-

чень - серпень 1919 р. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Зб. наукових праць. - Вип. V. - Х., 2000.

4. Центральний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВО). ф. 2 Рада народних комісарів УРСР. ф. 2579 Рада робітничо-селянської оборони УРСР.

5. Раковский Х. Борьба за освобождение деревни. - Х., 1920.

6. Круть В. Т. До історії боротьби проти григор'євщини на Україні. // Літопис революції. - 1932. - №

7. Дело членов Центрального Комитета Украинской Партии Социал.-Революционеров Голубовича, Петренко, Лызанивского, Часныка, Ярослава и др.: (Стенографический отчет). - Х., 1921.

8. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО) ф. 1 Відділи ЦК КПУ. ф. 57 Колекція документів з історії Комуністичної партії України періоду підготовки та проведення Великої Жовтневої соціалістичної революції і періоду громадянської війни.

9. Державний архів Харківської області (ДАХО) ф. ФП-1 Харківський губком КПУ.

10. Сак-Саковский И. И. Из Харькова и обратно. / Сквозь бури и грозы: Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны. - Х., 1969.

11. Им славу дала Украина, 1917 - 1920. - К., 1989.

12. Великий Жовтень і громадянська війна на Україні: Енциклопедичний довідник. - К., 1987.

13. Семененко В. І. Історія Східної України: поновлення кайданів. (1917-1922). - Х., 1995.

14. Зарубіжні інтернаціоналісти в рядах борців за владу Рад на Україні (1917-1920). - К., 1967.

15. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран - участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики. - М., 1971.

16. Дубровский С. Ликвидация григорьевщины (1919). // Военно-исторический журнал. - 1941. - №

2.

17. Победа Советской власти на Херсонщине (1917 - 1920 гг.): Сб. документов и материалов. - Херсон, 1957.

18. На защите революции. Из истории Всеукраинской Чрезвычайной комиссии. 1917 - 1922 гг.: Сб. документов и материалов. - К., 1971.

19. Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (листопад 1918 - серпень 1919): 36. документів і матеріалів. - К., 1962.

20. "Більшовик" (орган ЦК КП(б)У).

21. Затонський В. Вир: 3 минулого. - Х., 1926.